

Формы осуществления функций права**К. А. Ситников**

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права
 Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя;
 старший научный сотрудник Центра исследований права и культуры юридического факультета
 Государственного академического университета гуманитарных наук.
 Адрес: ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
 имени В. Я. Кикотя»,
 117437, Москва, Академика Волгина ул., д. 12;
 ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук»,
 119049, Москва, Мароновский пер., 26.
 E-mail: kirillsa@mail.ru

Forms of Exercising the Functions of Law**K. A. Sitnikov**

PhD in Law, Associate Professor of the Department Theory of State and Law
 of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;
 Senior Researcher of the Centre of Law and Culture Research of the Law Department
 of the State Academic University for the Humanities.
 Address: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
 12 Academic Volgin Str., Moscow, 117437, Russian Federation;
 State Academic University for the Humanities,
 26 Maronovskiy Lane, Moscow, 119049, Russian Federation.
 E-mail: kirillsa@mail.ru

*Поступила 25.07.2025 Принята к печати 05.08.2025***Аннотация**

Представленная работа посвящена проблеме форм осуществления функций права. Автор сосредотачивается на критическом анализе существующих концепций (Т. Н. Радько, В. А. Толстик, А. В. Константинова), выявлении их методологических и логических недостатков и разработке альтернативного подхода к определению и классификации данных форм. Методология исследования базируется на принципах материалистической диалектики. Широко применяется сравнительный метод для сопоставления подходов к формам функций права и государства, а также для выявления различий между отечественной и западной традициями. Используется историко-правовой метод при обращении к наследию советской юридической науки. Научная новизна исследования обусловливается тем, что в работе систематизированы и подвергнуты критике основные существующие концепции форм осуществления функций права; обоснована необходимость в принципиально новом основании классификации форм осуществления функций права, отличного от видов правового воздействия. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о целесообразности разграничения всех форм осуществления функций права на две группы: государственно-властные и негосударственные. К первой группе отнесены правотворческая, исполнительно-распорядительная, судебная, контрольно-надзорная и правоинтерпретационная формы. Ко второй группе можно отнести как юридические, так и неюридические формы осуществления функций права. При этом говорить о возможности составления полного и исчерпывающего перечня негосударственных форм осуществления функций права не представляется возможным. Обращается внимание на необходимость дальнейшей проработки представленной проблематики.

Ключевые слова: функции права, осуществление функций права, формы осуществления функций права, функции государства, осуществление функций государства, формы осуществления функций государства, правотворческая форма, исполнительно-распорядительная форма, судебная форма, контрольно-надзорная форма, правоинтерпретационная форма, мемориальная функция права.

Abstract

The presented work is devoted to the problem of forms of exercising the functions of law. The author focuses on a critical analysis of existing concepts (T. N. Radko, V. A. Tolstik, A. V. Konstantinova), identifying their methodological and logical shortcomings, and developing an alternative approach to defining and classifying these forms. The research methodology is based on the principles of materialistic dialectics. The comparative method is widely used to compare approaches to the forms of functions of law and the state, as well as to identify differences between domestic and Western traditions. The historical and legal method is used when referring to the legacy of Soviet legal science. The scientific novelty of the research is due to the fact that the work systematizes and criticizes the main existing concepts of forms of exercising the functions of law; the need for a fundamentally new basis for classifying forms of exercising the functions of law, different from the types of legal impact, is substantiated. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that it is advisable to distinguish all forms of exercising the functions of law into two groups: state-governmental, as well as non-governmental. The first group includes law-making, executive and administrative, judicial, supervisory and law-interpretation forms. The second group includes both legal and non-legal forms of exercising the functions of law; however, it is not possible to talk about the possibility of compiling a complete and exhaustive list of non-governmental forms of exercising the functions of law. Attention is drawn to the need for further elaboration of the presented issues.

Keywords: functions of law, exercise of functions of law, forms of exercise of functions of law, functions of the state, exercise of functions of the state, forms of exercise of functions of the state, law-making form, executive and administrative form, judicial form, control and supervisory form, legal interpretation form, memorial function of law.

Введение

Как отмечал выдающийся отечественный ученый-правовед С. С. Алексеев, «активная роль права выражается в его функциях»¹. Подобный подход, опирающийся на законы материалистической диалектики и исходящий из того, что изучение права невозможно без должного внимания со стороны исследователя к его проявлению в действии, получил широкое распространение в советской общеправовой теории. Этим же объясняется и значимая роль теории функций права в современной отечественной теории и философии права (что особенно заметно в сравнении с западной философией права).

При этом, поскольку право – продукт социальных отношений и явление intersubъективного характера, оно как таковое неосвязаемо для человека, а потому особую роль приобретают *формы* его выражения в объективной действительности и, как следствие, *формы*, в которых право воздействует на состояние общественных отношений. То есть функционирование права неразрывно связано с внешними формами его проявления в социуме.

Вместе с тем формы осуществления функций права не получили широкого освещения в отечественной теоретико-правовой науке (в особенности это становится очевидным, если сравнивать практически полное отсутствие внимания к дан-

ной проблематике с тем интересом, который ученые проявляют к вопросу о формах осуществления функций государства). Авторами наиболее авторитетных трудов в области теории функций права являются профессора Т. Н. Радько и В. А. Толстик [9; 10], которые выработали получившую широкое признание концепцию форм осуществления функций права, нашедшую дальнейшее развитие в диссертационном исследовании А. В. Константиновой² [5]. Однако представленные в работах названных ученых идеи не лишены определенных недостатков, становящихся все более очевидными в свете постепенного развития и приращения научного юридического знания.

Подходы к определению форм осуществления функций права: особенности и проблемы

В своей работе «Теория функций права» Т. Н. Радько уделяет преимущественное внимание формам осуществления (или, иначе, реализации) отдельных функций права, в частности, регулятивной (например, определение правосубъектности граждан, закрепление и изменение их правового статуса, определение компетенции государственных органов и их должностных лиц и т. д. [9. – С. 164]) и охранительной (например, меры защиты, юридическая ответственность, установление санкций за правонарушение и т. д. [9. – С. 184]). Безусловно, можно говорить о спе-

¹ Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. – Т. 1. – М., 1981. – С. 191.

² При этом осмысление форм осуществления или реализации функций права находило свое отражение и в работах, посвященных отдельным функциям.

цифике объективации или формального выражения/оформления воздействия права на общественные отношения, когда речь идет о конкретном направлении такого воздействия. Однако, по справедливому замечанию, один из постулатов материалистической диалектики сводится к тому, что при наличии существенных различий между двумя объектами познания у них непременно есть и некоторые общие качества [3. – С. 328].

Как юридические, так и социальные (экономическая, политическая, идеологическая и мемориальная [13]) функции права необходимо исследовать с учетом диалектического положения о многочисленности взаимосвязей природных и социальных явлений. В связи с этим все указанные функции имеют некоторые общие черты, обусловленные, по меньшей мере, их отношением к такому феномену, как право. Отсюда же напрашивается и вывод о возможности выведения ряда универсальных для всех перечисленных функций права форм их осуществления. Вместе с тем сколько-нибудь системной концепции по данной проблематике Т. Н. Радько в указанной работе не предлагает, ограничиваясь указаниями на санкции, юридическую ответственность и правовые акты как формы осуществления права [9. – С. 128, 129]. Полагаем, что такой подход нельзя признать удовлетворительным не только в силу отсутствия в нем завершенности или отмеченной нами ранее системности, но также и ввиду того, что перечисленные автором формы – суть явления разного порядка: элемент «нормы права» / «мера воздействия или принуждения» / «форма изложения государственно-правовой воли» соответственно.

Гораздо большее внимание формам осуществления функций права уделяется в совместно подготовленной Т. Н. Радько и В. А. Толстиком монографии «Функции права» [10]. Именитые ученые выделяют три основных формы, в соответствии с формами правового воздействия:

- информационную (информационное воздействие);
- ориентационную (ориентационное воздействие);
- праворегулирующую (правовое регулирование) [10. – С. 59–96].

Первая из них обосновывается авторами тем, что необходимо информировать субъекта об установленных в обществе правилах поведения. Безусловно, стоит согласиться с тем, что любая норма (причем не только социальная, но и техни-

ческая) – это некий набор сведений о том или ином поведении. Государство (с учетом лежащего в основе методологии рассматриваемого исследования позитивистского подхода к праву)¹ [10. – С. 60] должно сообщать о своих требованиях обществу, в противном случае его правовая система будет не только неэффективной, но и недолговечной. Основу такой формы, как информационное воздействие, составляет качественная правовая информация, а также характеристика каналов ее передачи и процесса восприятия адресатом [10. – С. 62].

Опираясь категориями «правовая установка» и «правовые ориентации», авторы говорят о реализации функций права в форме ориентационного воздействия [10. – С. 72, 73]. Ее суть сводится к тому, что одного лишь знания о правовых предписаниях недостаточно для того, чтобы они оказали должное влияние на состояние общественных отношений. Не менее значимым видится формирование позитивных правовых установок, от которых, в свою очередь, зависит и правовая ориентация граждан. В данном случае, вне всякого сомнения, стоит согласиться с тем, что функциональность/дисфункциональность/нефункциональность права напрямую связаны с тем, какие правовые установки присущи общественному сознанию (как в целом, так и отдельных социальных групп и индивидов).

Третья форма осуществления функций права, занимающая центральное положение в концепции Т. Н. Радько и В. А. Толстика, – правовое регулирование [10. – С. 83]. Объясняется это тем, что правовое регулирование – важнейший элемент системы правового воздействия. И если посылка авторов хотя и может вызывать некоторые дискуссии, но все же в целом имеет место в отечественной науке, то сделанный из нее вывод уже вызывает немало вопросов, поскольку далее речь неоднократно идет уже, собственно, о регулятивной функции права, а отдельной аналогичной формы для охранительной функции авторы не выделяют².

¹ Одновременно с этим Т. Н. Радько и В. А. Толстик указывают, что суть их позиции «состоит в отрицании универсальности, абсолютизации любого из подходов к пониманию права в аспекте всего процесса правового регулирования».

² Последняя также освещается в рассматриваемой работе, однако ее положение в общей системе при таком подходе кажется не до конца определенным.

С определенной долей условности дальнейшее развитие представленная концепция получила, как уже было сказано выше, в диссертационном исследовании А. В. Константиновой [5], которая предложила следующее определение формы осуществления функций права – «это специфика способов (путей) правового воздействия на сознание и волю конкретного человека с целью упорядочения (введения в законное русло) его поведения» [5. – С. 42]. Автор, солидаризуясь со многими исходными установками именитых ученых, обращает внимание на то, что выделение ориентационной формы не представляется целесообразным в связи с тем, что она «совпадает с воспитательным воздействием права» [5. – С. 43]. В связи с этим, полагает исследователь, правильнее бы было говорить о воздействии права на общественные отношения в форме внедрения в сознание человека определенной системы ценностей, убеждений и т. д. Всего А. В. Константинова выделяет также три формы осуществления функций права:

- информационную;
- воспитательную;
- коммуникативную.

Последняя из них связана со способностью права выступать в качестве средства коммуникации «между членами общества», а также инструмента для организации правоотношений между равными субъектами [5. – С. 45].

Вне всякого сомнения, представленные концепции внесли существенный вклад в отечественную теорию функций права (и общеправовую теорию в целом), позволили систематизировать имеющиеся знания в соответствующей сфере. Кроме того, внешне они представляют собой достаточно целостные логические конструкции, позволяющие глубже проникнуть в понимание права в его динамике. Одновременно с этим нельзя не обратить внимание на целый ряд факторов, обуславливающих необходимость пересмотра представленных подходов.

1. Наиболее очевидным нарушением логики построения теории функций права является прямое пересечение самих функций, выделяемых Т. Н. Радько, и предложенных авторами форм. В частности, обращает на себя внимание проблема соотношения праворегулирующей формы и регулятивной функции, воспитательной или ориентационной форм (особенно вкуче с информационной) и идеологической функции (иногда также именуемой воспитательной [15]). Сам Т. Н. Радько

в своей монографии отмечал, что при изучении функций права важно помнить о том, что «нельзя все *виды и формы* влияния права на поведение людей, всю его активную роль в жизни общества связывать только с регулированием им общественных отношений» [9. – С. 8] (курсив мой – К. С.). Ученый полагал, что внимание также должно уделяться и иным формам воздействия права, которые могут быть напрямую никак не связаны с механизмом правового регулирования. Кроме того, ни одна из функций права не существует изолированно от остальных. Каждая из основных функций в подавляющем большинстве случаев является воздействием, осуществляемым на общественные отношения одновременно со всеми остальными (как юридическими, так и социальными) функциями. В связи с этим, с одной стороны, странно говорить о праворегулирующей форме осуществления регулятивной функции права; а с другой, та же регулятивная функция осуществляется не в воспитательной форме, а вместе (наряду/одновременно/параллельно) с воспитательной функцией. Таким образом, уже первоначально при выборе в качестве классифицирующего основания видов правового воздействия авторами одновременно были созданы предпосылки для возникновения «логического порока» смешения понимания самой функции права и форм ее реализации.

2. Вызывает немало вопросов и сам подход к пониманию категории «форма». Вновь обратимся к позиции самого Т. Н. Радько, устоявшейся в теоретико-правовой науке, согласно которой реализация функций права – это достижение тех целей и задач, которые, собственно, стоят перед правом и обусловлены его сущностью, природой и социальным назначением [8. – С. 93]. Однако обращение авторов к видам правового воздействия как основанию для классификации уже противоречит представленному тезису. Описывая праворегулирующую форму, исследователи де-факто говорят о цели, поставленной перед правом и связанной с урегулированием общественных отношений (т. е., возвращаясь к нашим прошлым тезисам, о самих функциях либо процессе их реализации, но не формах), а описывая ориентационную форму – о цели, связанной с необходимостью сориентировать граждан, сформировать определенные правовые установки и т. д.

3. Нельзя согласиться и с определением форм осуществления функций права (из которого вытекают и многие другие проблемы концепту-

ального характера), представленным А. В. Константиновой. Автор закономерно обращается к краткому этимологическому анализу категории «форма», отмечая в том числе и то, что в философском смысле под ней можно понимать «внешнее очертание, фигуру, наружность, образ»¹ [5. – С. 41]. С определенной долей условности стоит согласиться и с разграничением понятий «функция права» и «форма реализации функции права» по принципу «что?» и «как?» соответственно. Однако содержание этого «как?» можно понимать по-разному. По какой-то причине исследователь под формами осуществления функций права, как отмечалось выше, понимает даже не «способы или пути воздействия...», а их «специфику». Таким образом, представленная работа в лучшем случае связана со спецификой или особенностями искомых форм, а не с ними как таковыми. В таком случае особенности осуществления правового воздействия действительно можно обозначить либо как информационную характеристику, либо как воспитательную (что проистекает из содержания самого воздействия). Кроме того, ориентирование, информирование, воспитание и прочее можно воспринимать как цель или же результат, которые преследует (стремится достичь) субъект правотворчества, что, по мнению М. ван Хука, является одной из двух смысловых компонент самой функции права, а не ее формы [14. – С. 88–89]. Форма и содержание любого явления, согласно законам материалистической диалектики, тесно связаны друг с другом и неразделимы: «форма всегда содержательна, а содержание оформлено» [11. – С. 73]. Под формой при этом принято понимать внешнюю сторону структуры [11. – С. 73]. Исходя из этого, полагаем, что *форма осуществления функций права* – это внешнее выражение функциональных характеристик права, т. е. направлений воздействия на общественные отношения, определенных его социальным назначением.

4. Еще один «порок» в представленные концепции форм осуществления функций права заложен в саму методологию исследования Т. Н. Радько, стоящего на позициях юридического позитивизма и в силу этого неразрывно связывающего функциональные характеристики права с государственной волей. Отсюда и недостаточ-

ное внимание к социально-содержательной стороне проблематики форм осуществления функций права. Стоит согласиться с высказыванием К. А. Ракова и В. И. Попова о серьезной методологической ограниченности позитивистского подхода, которая заключается, помимо прочего, в самой мировоззренческой основе такого типа социального мышления [12]. В данном случае из вида упускается все то, что находится за пределами так называемого юридического, или государственного, права (например, по классификации В. П. Малахова, право гражданского общества и индивидуальное право²), кроме того, совершенно игнорируется ценностная природа (или сущность) права. В частности, позитивистский подход предстает первопричиной и неверного, по нашему мнению, выделения А. В. Константиновой воспитательной формы осуществления функций, «которая характеризуется внедрением в сознание человека суммы убеждений, ценностей» [5. – С. 43]. Выходит, что право может воздействовать на поведение человека, не основываясь на некоторой системе ценностей или не апеллируя к ней. Полагаем, это невозможно ввиду не только указанного нами ранее одновременного осуществления правом нескольких функций (а значит, оказания воспитательного воздействия в рамках как регулирования общественных отношений, так и их охраны), но и сущностных характеристик самого права как явления. В соответствии с социологическим подходом право рассматривается как «система конвенциональных ценностей, формируемых в контексте определенной политической среды на основе правового дискурса» [4]. Значит, не оказывать хотя бы косвенного воздействия на ценности человека, представляя собой некую упорядоченную совокупность синтетических ценностей, право не может вне зависимости от формы своего воздействия.

5. Нельзя обойти стороной и некоторые нарекания, которые может вызывать выделение коммуникативной формы осуществления функций права А. В. Константиновой [5]. В данном случае мы солидарны с позицией В. И. Попова, последовательно показавшего, что в реализации любой (как юридической, так и социальной функции) находит свое отражение коммуникативно-

¹ Философский энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – С. 937.

² Малахов В. П. Общая теория права и государства. – М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016. – С. 64.

обеспечительная роль права [7]. Выделение коммуникативной формы осуществления функций права (равно как и самой функции) хотя и возможно логически, но все же нецелесообразно [7. – С. 171]. В своем диссертационном исследовании А. В. Константинова указывает, что информационное воздействие права на личность состоит из восприятия, переработки и усвоения правовой информации (сведений) [5. – С. 73], а коммуникативное – из правовой регламентации, формирования ролевых правоотношений и реакции субъектов на воздействие [5. – С. 141–145]. Полагаем такое разграничение до некоторой степени искусственным, поскольку любое взаимодействие (коммуникация) социальных субъектов непременно сопровождается передачей информации в различных формах и видах. Так, В. И. Попов в качестве одного из элементов социальной коммуникации небезосновательно выделяет само сообщение, т. е. некий набор сведений, или информацию, в том числе правового характера [7. – С.35]. В связи с этим «правовая коммуникация» и «информационно-правовое взаимодействие» можно воспринимать как понятия одного порядка [7. – С. 39].

Принимая во внимание изложенное, полагаем нужным поставить вопрос о необходимости определения альтернативного основания для выделения форм осуществления функций права. Весомым подспорьем в его решении могут стать идеи и принципы сложившейся в советской юридической науке концепции функций государства.

Возможности использования методологического потенциала концепции функций советского государства в исследовании форм осуществления функций права

Как уже было отмечено, вопрос о формах осуществления (или реализации) функций государства¹ гораздо более проработан в отечественной юридической науке, что находит свое отражение и в содержании теории государства и права как учебной дисциплины².

Пожалуй, наибольшим признанием на протяжении вот уже более полувека пользуется концепция, сформировавшаяся во многом благодаря

деятельности выдающегося советского правоведа М. И. Байтина, который обосновал разделение всех форм осуществления функций социалистического государства на две группы – правовые и организационные [2. – С. 262, 263]. К первой из них автор относил правотворческую, оперативно-исполнительную и правоохранительную деятельность; ко второй – организационно-регламентирующую, организационно-идеологическую и организационно-экономическую деятельность [2].

С одной стороны, предложенный М. И. Байтиным подход базируется на принципах, следуя которым, можно решить задачу разграничения функций и форм их осуществления, и эти принципы универсальны в том смысле, что применимы вне зависимости от того, идет ли речь о деятельности государства или о правовом воздействии на общественные отношения. С другой стороны, в интересах настоящего исследования могут быть использованы именно принципы, лежащие в основе данного подхода; последний не может быть применен в точности в том виде, в каком он был обоснован и реализован в исследовании форм осуществления функций государства, ввиду как минимум двух соображений.

Во-первых, в основу предложенной М. И. Байтиным классификации были положены особенности обращения к праву со стороны социалистического государства при выполнении стоящих перед ним задач [2. – С. 262]. Для осмысления того, какими могут быть внешние выражения воздействия права на общественные отношения, такой подход неинформативен. Кроме того, для понимания особенностей таких внешних выражений определенную роль может играть вопрос не только о том, *как* осуществляются функции, но и о том, *кто* именно придает им ту или иную форму (когда речь идет о функционировании права, в действительности всегда подразумевается воздействие, осуществляемое тем или иным субъектом посредством права; в случае, когда ставится вопрос о функционировании государства, оно всегда остается функционированием государства вне зависимости от того, кто действует от его имени).

Во-вторых, в исследовании форм осуществления функций права сомнительна возможность реализации идеи о разграничении таких видов деятельности, как оперативно-исполнительная и правоохранительная. И та, и другая характеризуются М. И. Байтиным как «оперативные», а также связанные с применением норм права, но при этом подчеркивается, что вторая отличается

¹ В сравнении с формами осуществления функций права.

² См., например: Теория государства и права / А. И. Клименко, В. В. Оксамытный, Г. М. Лановая [и др.]. – М. : Юнити-Дана, 2024; Теория государства и права / под ред. д. ю. н., проф. А. А. Клишаса. – М. : Статут, 2019; Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М. : Юристъ, 2001.

преимущественно связью с «охраной норм права от правонарушений» [2. – С. 265]. Праву свойственна охранительная функция; признавая ее существование и одновременно соглашаясь с тезисом о необходимости дифференциации оперативно-исполнительной и правоохранительной деятельности, мы неизбежно совершим ранее рассмотренную ошибку других исследователей, связанную со смешением функций права и форм их осуществления.

Изложенное дает основание утверждать, что еще большим методологическим потенциалом, чем предложенный М. И. Байтиным подход, обладает концепция, нашедшая отражение в работах таких ученых, как С. А. Голунский, М. С. Строгович, В. С. Петров, Д. А. Керимов и др., которые большее внимание уделяли видам государственной деятельности, а также ограничиваемым от нее видам деятельности негосударственных организаций¹. В этой связи указанные авторы выделили законодательную, административно-управленческую (исполнительно-распорядительную), судебную и надзорную формы осуществления функций государства. Опираясь на накопленный советскими учеными опыт дифференциации форм осуществления функций государства, а также учитывая те знания о праве и государстве, которые являются неотъемлемой частью современной юридической науки, считаем необходимым оговорить следующее:

– характеристика внешних выражений направлений правового воздействия может зависеть от того, используется ли инструментарий права для достижения правозначимой цели субъектами, аффилированными с государством, или частными лицами (в том числе и потому, что в основе права лежит система конвенциональных ценностей, обусловленных состоянием и предшествующим развитием общественных отношений);

– разнообразие общественных отношений обуславливает потребность в разнообразии форм реализации функций права, следствием чего оказывается многообразие видов правовой активности субъектов, действующих вне рамок процедурных ограничений, устанавливаемых в целях ограничения произвола государства;

– если при изучении функций государства авторами в качестве форм их осуществления закономерно мыслились виды «деятельности основных звеньев государственного механизма» [2. – С. 261], то в качестве форм осуществления функций права могут и должны рассматриваться виды правозначимой деятельности;

– при решении вопроса о том, каковы формы осуществления функций права, необходимо учитывать не только « пороки » позитивизма, коренящиеся во многих положениях советской общеправовой теории, но и современные достижения отечественной и зарубежной юридической науки.

Выводы и обобщения

Исходя из всего вышесказанного, считаем целесообразным разграничить все формы осуществления функций права на две группы: государственно-властные (т. е. те формы, которые связаны с деятельностью субъектов, наделенных государственно-властными полномочиями и действующих от имени государства и во исполнение свойственных ему функций) и негосударственные (т. е. формы, связанные с деятельностью субъектов, не наделенных государственно-властными полномочиями, чья активность определяется их собственными интересами – индивидуальными или коллективными/классовыми).

К первой группе следует отнести следующие формы:

- правотворческая;
- исполнительно-распорядительная;
- судебная;
- контрольно-надзорная;
- правоинтерпретационная.

Ко второй группе можно отнести как юридические (например, договорная, распорядительная, претензионно-исковая), так и неюридические (например, неофициальное толкование, юридическое образование и юридическая наука, правовое воспитание и т. д.) формы осуществления функций права. При этом говорить о возможности составления полного и исчерпывающего перечня негосударственных форм осуществления функций права не представляется возможным ввиду исключительного разнообразия правовой активности негосударственных субъектов, а также того, что ее регулирование не всегда осуществляется императивно – как минимум для частноправовой сферы характерно применение диспозитивного метода.

¹ Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. – М. : Юриздат, 1940. – С. 54; Общая теория государства и права / отв. ред. Д. А. Керимов, В. С. Петров. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – Т. 1. – С. 145–146.

Полагаем, что проблематика форм осуществления функций права требует дальнейшей проработки. В частности, отдельного внимания заслуживает исследование непосредственного осуществления в рамках правотворчества, в сфере судебной, исполнительно-распорядитель-

ной и правоинтерпретационной деятельности как юридических (регулятивной и охранительной), так и общесоциальных (например, экономической, политической, идеологической, мемориальной) функций права.

Список литературы

1. *Абрамов А. И.* Проблемы реализации регулятивной функции права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.
2. *Байтин М. И.* О формах осуществления функции социалистического государства // Ученые записки. – 1969. – Вып. 18: Вопросы истории государства и права. – С. 261–269.
3. *Диалектический материализм.* Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. – М. : Партийное издательство, 1933.
4. *Клименко А. И.* Социо-аксиологический подход к праву и его значение для современной юридической науки // Юрист-Правоведъ. – 2018. – № 4 (87). – С. 102–107.
5. *Константинова А. В.* Формы осуществления функций права : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014.
6. *Курцев И. А.* Проблемы реализации охранительной функции права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008.
7. *Попов В. И.* Право в обеспечении коммуникации государства и гражданского общества : монография. – М. : Проспект, 2023.
8. *Радько Т. Н.* Методологические вопросы познания функций права. – Волгоград, 1974.
9. *Радько Т. Н.* Теория функций права : монография. – М. : Проспект, 2014.
10. *Радько Т. Н., Толстик В. А.* Функции права : монография. – Нижний Новгород : Нижегородская высшая школа Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1995.
11. *Ракитов А. И.* Марксистско-ленинская философия. – М. : Политиздат, 1986.
12. *Раков К. А., Попов В. И.* Правовой позитивизм: опыт критического анализа // История государства и права. – 2022. – № 11. – С. 39–43.
13. *Ситников К. А.* Мемориальная функция права: к постановке проблемы // История государства и права. – 2025. – № 1. – С. 32–40.
14. *Хук М.-ван.* Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. – СПб. : ИД С.-Петербург. гос. ун-та ; ООО «Университетский издательский консорциум», 2012.
15. *Швыркин А. А.* Воспитательная функция права и роль органов внутренних дел в ее реализации : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.